
МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В АФОРИЗМЕ
(КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ СТАНИСЛАВА ЕЖИ ЛЕЦА)

© 2014 г. В. И. Карасик

Рассматривается афоризм как проявление креативного коммуникативного поведения. Обсуждаются жанровые характеристики афоризмов С.Е. Леца – позиционная перефокусировка, регистровое понижение, разрушение штампа, силлогический разрыв. Показаны особенности поэтической рефлексии в афористическом тексте, состоящие в создании нового символического образа, построении контекстуальной антитезы, освещении положения дел в философско-художественном ракурсе, одновременной актуализации нескольких смыслов и опоре на значимые для автора аллюзии.

The article deals with aphorisms as manifestation of creative communicative behavior. Genre peculiarities of aphorisms by Stanislaw Jerzy Lec are discussed, among them positional refocusing, register downgrading, cliché destruction, syllogistical gap. Specific features of poetic reflection in aphoristic texts are commented upon including making a new symbolic image, constructing a contextual antithesis, regarding a situation from a philosophical and artistic point of view, simultaneous actualization of several meanings and using allusions which are important for the author.

Ключевые слова: афоризм, поэтическая рефлексия, символический образ, жанровый канон, комментарий.

Key words: aphorism, poetic reflection, symbolic image, genre canon, commentary.

Под афоризмом традиционно понимается краткое изречение, содержащее глубокую мысль. Эти коммуникативные образования неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (см. [1–12]). Афоризм представляет собой осмысление действительности и в этом плане функционально сближается с пословицей, отличаясь от нее отсутствием прямо выраженной назидательности и факультативностью образности. Это объясняется принципиальным различием между типовыми коммуникативными ситуациями, порождающими пословицы и афоризмы: пословица вызвана к жизни необходимостью дать совет в запоминающейся форме, афоризм появляется как комментарий по поводу тех или иных обстоятельств. Разумеется, граница между советом и комментарием является весьма размытой. Непревзойденным мастером афористики по праву считается Станислав Ежи Лец (1909–1966), тексты которого в переводе В. Россельса анализируются в данной работе¹.

Формулировки правил житейской мудрости весьма разнообразны, но подчинены общему принципу гармоничного сочетания успешного и достойного поведения, т.е. баланса утилитар-

ных и моральных ценностей. При этом такие правила не должны носить конкретно-практический характер (*Не следует быть на сквозняке*), сводиться к трюизмам (*Поскользнувшись, можно больно ушибиться*), звучать абсурдно (*Не нужно учить мух грамматике*), превращаться в научные формулировки (*Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов*).

Как правило, пословицы анонимны, а афоризмы являются авторскими текстами.

В структурном плане афоризм выступает как универсальное высказывание [13], т.е. характеризуется завершенностью и наличием выраженных или подразумеваемых кванторов всеобщности и типичности (*все, каждый, никто, всегда, никогда, обычно* и т.д.), в семантическом отношении – возможностью символического переосмысления некоторой ситуации и вытекающей отсюда уместностью использования такого высказывания в различных контекстах.

Вместе с тем афоризм представляет собой способ самовыражения говорящего и выступает как проявление креативного коммуникативного поведения. Такой подход к афористике дает возможность рассмотреть феномен поэтической рефлексии в текстах данного типа. Суть поэтической рефлексии состоит, как

¹ Лец С.Е. Почти всё. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. 928 с.

представляется, в образной концентрации смысла, и эта концентрация проявляется в следующих направлениях: 1) новый символический образ для концепта, отсутствующего в коллективном сознании, 2) символическая антитеза, 3) философско-художественный ракурс бытия, 4) ситуативная суперимпозиция (одновременная актуализация нескольких смыслов), 5) опора на значимые для автора аллюзии [14]. Разумеется, список этих направлений нельзя считать исчерпывающим.

Поэтическая рефлексия уточняется в различных аспектах, и прежде всего – в жанровом. Такое жанровое уточнение обусловлено конститутивными признаками жанра, и применительно к афоризму эти признаки сводятся к оригинальной интерпретации комментируемого положения дел. Интерпретация в афоризмах носит сентенциальный, либо парадоксальный, либо указательный характер. В сентенциях обычно выражается соотношение между человеческими качествами (образцом жанра выступают известные рассуждения Франсуа де Ларошфуко и Жана де Лабрюйера), парадоксы заостряют противоречие между распространенным поверхностным мнением и новым взглядом на действительность (таковы остроты Оскара Уайльда и Бернарда Шоу), указательные афоризмы на первый взгляд выглядят проще – в них констатируется некоторое положение дел, мимо которого мы привычно проходим, но которое заслуживает внимания. Именно такие тексты характерны для Ежи Леца и многих современных афористов.

Афоризмы могут быть серьезными и шутивными, добродушными и язвительными. Существуют определенные модели построения афоризмов. К ним можно отнести позиционную перефокусировку (оценку ситуации с иных позиций), регистровое понижение (рассмотрение ситуации в ином стилевом формате), разрушение штампа (уточнение концепта, меняющее наши представления), силлогический разрыв (возникновение смыслового зияния, требующего активного творчества со стороны адресата при интерпретации соответствующего текста). Проиллюстрируем сказанное.

Креативность в афоризме состоит, главным образом, в появлении неожиданного авторского взгляда на некоторое положение дел.

Важнейшей характеристикой поэтического осмысления мира является создание символов – оценочно маркированных индивидуально авторских переосмыслений, допускающих неоднозначное толкование. Автор наделяет символическим

смыслом те ситуации, которые в обиходном общении остаются фактом повседневного быта:

*Многие бумеранги не возвращаются.
Выбирают свободу.*

Обычно бумеранг возвращается к тому, кто его бросил, в этом состоит функциональная особенность этого орудия охоты. Вполне допустимо, что при неправильном броске бумеранг не вернется к охотнику. В цитируемой фразе контрастируют первая и вторая части: сначала приводится некий факт, который можно просто принять к сведению, но затем следует интерпретация этого факта, представляющая собой создание авторского символа. Улетевший бумеранг становится образом человека, который нарушает сложившиеся правила поведения и вопреки этим правилам делает свой выбор. Право на выбор – важнейшая характеристика человека. Ежи Лец в своем афоризме переворачивает систему ценностей: оказывается, что чье-либо неправильное, ошибочное, с точки зрения повседневности, поведение продиктовано высокой целью.

Афоризмы, как правило, не включают окказиональные лексические образования. Окказионализм место в художественном или юмористическом дискурсе. Но в афоризмах Ежи Леца иногда появляются удивительные эксперименты со словоформами:

XI заповедь: “Не прелюбословь!”.

Известно, что седьмая заповедь в библейском Декалоге – “Не прелюбодействуй”. Афорист обращается к товарищам по перу, предостерегая их от греха, которому еще нет названия в языке и состоящему в том, что писатель может относиться к слову как к объекту плотской любви. Возможно, в данном случае речь идет о том, что художественное творчество может превратиться в игру, пустое жонглирование словами. Можно было бы сказать, что в этом ироничном речении дается отрицательная оценка красноречию вообще, но обратим внимание на интертекстуальную связь с исходным текстом, в котором сформулированы основные предписания и запреты. Такая связь применительно к цитируемой фразе подразумевает особую ответственность человека за сказанное слово, если миссией этого человека является передача слова в мир.

Ежи Лец находит яркие образы для концептуализации своих глубоких идей:

Лучше, чтобы протез души был невидимым.

Мы упрекаем черствых людей в бездушии. Автор использует словосочетание “протез души” для обозначения того, чем у них замещается душа.

Протез – это механическое устройство, функциональное, но отталкивающее, по сравнению с живым органом. Калеки обычно не выставляют свои протезы на вид. В этом изречении содержится грустный комментарий по поводу того, что бездушные люди не заботятся даже о том, чтобы как-то замаскировать свою бессердечность.

Разрушение штампа состоит в том, что прежнее представление становится абсурдным:

Человек – пешка на шахматной доске, где для него нет полей.

В этом афоризме прямо выражено противоречие: пешка может стоять на шахматной доске, только занимая определенное поле. Ежи Лец говорит о том, что у некоторых пешек такого поля нет. Что понимается под шахматной доской? По-видимому, данный мир. Обратим внимание: это речение построено в виде определения, и определяемым является человек. Получается, что человеку нет места в этом мире. Кто же тогда населяет пространство? В этом глубоком сравнении действительности с шахматной игрой выражена критика глобальной несправедливости мироустройства.

Символическая антитеза является сильным средством актуализации ценностей. Например:

*Я видел летающие клетки.
В них были орлы.*

На первый взгляд, перед нами абсурдное высказывание – клетка не может летать. Но вторая часть афоризма превращает это высказывание в выражение символа: если у кого-либо есть орлиная воля к свободе, то даже будучи пленником, этот человек может ощущать себя вне застенка. Это высказывание является призывом не сдаваться. Тема свободы является одной из доминирующих для С.Е. Леца, который доказал это как своим творчеством, так и всей жизнью (ему пришлось пройти через фашистский концлагерь, бежать из него, воевать в партизанском отряде, столкнуться с непониманием близких и подозрительностью властей).

Неожиданный ракурс рассмотрения темы выражается в виде сопряжения, казалось бы, несопоставимых ситуаций:

Розы пахнут профессионально.

Мы говорим о профессионализме, имея в виду высокий уровень выполнения поставленных задач, обычно требующий специальной подготовки и долгой практики. Известно, что запах роз характеризуется интенсивностью, а роза многими признается самым красивым и самым благоухающим

цветком. В приведенном афоризме роза сравнивается с работником, качественно и образцово выполняющим свою деятельность. Тем самым ставится под сомнение естественность поведения тех, кто сравнивается с розами. Речь идет о презентационности как стиле поведения. Это высказывание в определенной мере переключается с мыслью Дж. Сэлинджера: *Когда что-нибудь делаешь слишком хорошо, то, если не следить за собой, начинаешь выставляться напоказ. А тогда уже не может быть хорошо* (Дж. Сэлинджер. Над пропастью во ржи). Афоризм о розах представляет собой ироничное предостережение тем, кто в своей деятельности почти достиг совершенства.

Афоризм отличается от тривиального суждения тем, что дает новое прочтение известным ситуациям. Например:

Сезам, откройся, я хочу выйти!

Обычно все хотят попасть в Сезам – сказочную пещеру с сокровищами. Но сокровища нам нужны для жизни. Эта волшебная пещера может превратиться в ловушку, если из нее нельзя выйти. Ежи Лец напоминает нам о том, ради чего мы живем. В определенной мере его афоризм переключается с известной евангельской фразой: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Матфей, 16: 26). Можно найти и более простое толкование приведенного речения: мы часто хотим получить то, от чего впоследствии будем страстно стремиться избавиться.

Резкий контраст между общепринятым мнением и данным высказыванием обычно квалифицируется как парадокс. Парадоксальность состоит в том, что возникает ситуация, в которой сосуществуют взаимоисключающие мнения, она часто выступает в качестве сильного приема при формулировании афоризмов, заставляя адресата пересмотреть всю его систему пресуппозиций. Например:

Даже в его молчании были грамматические ошибки.

Известно, что грамматические ошибки появляются в речи – устной и письменной. Однако есть люди настолько безграмотные, что даже в то время, когда они молчат, на их лице проявляется эта вопиющая безграмотность.

Парадоксальность выводов глубокого мыслителя состоит в том, что эти выводы открывают новые перспективы для понимания мироустройства. Ежи Лец удивительным образом соединяет весьма обыденные ситуации и принципы бытия:

Разминуться с целью лучше на безопасном расстоянии.

Считается, что поставленная цель должна быть достигнута. Но нередко бывает так, что эта цель оказывается не только ошибочной, но и губительной. В таком случае нужно найти в себе силы и признаться в своей ошибке, и это следует сделать вовремя. Автор создает запоминающийся образ – некто несется к цели, понимает, что избрал неверное направление, но уже не может ни свернуть, ни остановиться. Вместе с тем остается шанс спастись, хотя, как замечает афорист, лучше это сделать пораньше.

Многие афоризмы Ежи Леца построены на контрасте:

Берегитесь, когда бескрылые расправляют крылья.

На поверхностном уровне прочтения перед нами алогизм: у бескрылых нет крыльев. Но выражение “*расправить крылья*” в переносном смысле означает приготовиться для уверенного движения вперед. Бескрылыми в этом контексте являются те, у кого нет мечты, идеалов и, возможно, таланта. Такие люди, получив власть, употребляют ее на то, чтобы унижить и поработить всех, непохожих на них. Афорист говорит об опасности власти в руках посредственности.

Ежи Лец по-доброму относится к людям и, будучи честным человеком, не умалчивает о пространственных пороках, одним из которых является лицемерие:

Будь реалистом – не говори правды.

Всех с детства учат говорить правду, но вырастая, люди понимают, что правда часто бывает многим неприятна. Поэтому те, кто хочет добиться успеха, прагматически выбирают безопасный способ жизни: не говорить правды. Обратим внимание на то, что между намеренной (и даже ненамеренной) ложью и умолчанием правды есть существенная дистанция. Этот афоризм является вердиктом по отношению к миру, в котором правит лицемерие. Получается, что если кто-то говорит правду, то он не реалист, а мечтатель, витающий в облаках, и расплата неизбежна.

Интересны случаи контраста между общим местом и случаем, который заслуживает комментария:

Дрессированные попугаи не повторяют ничего.

Попугаи славятся тем, что способны говорить человеческим голосом, повторяя заученные фразы. Из приведенного афоризма следует обратное:

дрессировка приводит к тому, что попугая заставляют молчать. Это происходит в том случае, когда повторение фразы может навредить хозяину попугая, например, если этот человек сквернословит либо критически отзывается о ком-либо. Соответственно, делает вывод афорист, лучше молчать, если не хочешь попасть в беду.

Сатирические стрелы Ежи Леца поражают все человеческие пороки, но особенно остро он критикует раболепие:

Мечта рабов: рынок, где можно было бы покупать себе господ.

В древности рабов продавали на рынках. Разумеется, рабы мечтали о свободе. Но среди них были и те, кого устраивало свое положение, им только нужно было, чтобы хозяева были помягче. Автор предельно точно характеризует тип таких людей.

Философско-художественное осмысление мира выражается в постановке смысложизненных вопросов, оформленных в образном виде:

Кто тянет билетки с человеческими жребиями?

Гигантская белая мышь или космический попугай?

И кто крутит шарманку?

Мы-то знаем лишь мелодию.

В этой миниатюре Ежи Лец комментирует непостижимость линии судьбы. Возникает образ шарманщика, который привлекает прохожих игрой на своем нехитром инструменте и предлагает им за небольшую плату узнать их будущее, записанное на свернутых листочках бумаги, которые обычно вытаскивает из барабана маленький зверек или птица. Космическим шарманщиком выступает в этом сравнении Творец Вселенной, а его ангелы принимают необычный вид гигантских существ. Мелодия судьбы – это многомерный символ, допускающий множественную интерпретацию. Афорист ставит перед нами вопрос, на который каждый отвечает всю жизнь, если задумывается над ним.

Основной вопрос этики состоит в определении добра и зла. Такое определение не сводится к простым ответам. Известно, что Диоген нашел символическое воплощение для этого вопроса: он с фонарем ходил при свете дня, повторяя: “*Ищу человека*”. Ежи Лец находит иное вербальное воплощение для идеи недостижимости этического идеала:

Человек – персона нон грата.

Юридический термин *persona non grata* (лат.) – “лицо, не пользующееся доверием” – означает, что кому-либо отказано в аккредитации на территории определенного государства. Соответственно, такой человек (обычно сотрудник дипломатической миссии или журналист) не имеет права въехать в страну, объявившую его нежелательным гостем, либо обязан в течение короткого времени покинуть ее. Афорист доводит эту формулу до абсурда: человеку закрыт доступ в общество, если это – настоящий человек. Сформулирован приговор тому обществу, в котором мы живем, и это относится к любому государству или социуму.

Примером силлогического разрыва выступает следующее изречение:

Новинка: намордник-невидимка.

Этот текст построен как рекламное объявление. Рекламуемым объектом выступает то, чего не может быть, поскольку намордник – это осязаемый обиходный предмет, который надевают на морду собаки с целью обеспечить безопасность окружающих, в наморднике собака не способна никого укусить. Но в тексте речь идет не о собаках. В этом состоит силлогический разрыв, пропущено несколько связующих звеньев, в результате чего актуализируется авторский символ – невидимый намордник как воплощение сдерживания и контроля тех, кто критически настроен по отношению к власти.

Сатирически высвечивая человеческие недостатки, Ежи Лец уделяет должное внимание тем, кто не хочет видеть мир таким, как он есть:

И прирученные гиены жрут падаль.

Известно, что гиены являются падальщиками, и сам по себе этот факт представляет интерес, вероятно, только для зоологов. Но в приведенном афоризме возникает новое воплощение хрестоматийного тезиса о том, что натуру человека невозможно исправить. Сравним: *Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкли ли делать злое?* (Иеремия, 13:23). Акцент в афоризме сделан на слове “*прирученные*”. Используя прием регистрового понижения высказывания, автор напоминает нам, что не следует переоценивать наше воздействие на кого-либо.

Афористические высказывания обычно построены на игре прямого и символического смыслов. Одновременная актуализация нескольких смыслов – так называемая суперимпозиция, накладка их друг на друга – приводит к концентрированному выражению идеи. Например:

Когда вода подступает к горлу, выше голову!

Первое прочтение этой фразы имеет вполне определенный конкретно-бытовой смысл. Перед нами образ человека, оказавшегося в затопляемой местности. Действительно, нужно пытаться держать голову над поверхностью воды, чтобы не захлебнуться. Но второй смысл этого образа актуализирует всяческие невзгоды и неприятности, которые с нами могут происходить, и в таких ситуациях нужно сохранять свое достоинство, проявляя гордость и презрение к превратностям судьбы. Изречение приобретает символический смысл.

Афоризмы Ежи Леца часто связаны с осмыслением несправедливости миропорядка:

У кого в аду были погоны, те и в раю с аксельбантами.

Люди в погонах состоят на службе, и этим подчеркивается их отличие от всех остальных. Аксельбанты – это плетеные наплечные шнуры как часть парадной униформы. Ироничный вывод, к которому приводит нас мыслитель, сводится к тому, что порядки в раю и аду похожи, и те, кто занимал руководящие позиции в царстве дьявола, пользуются аналогичными привилегиями у Бога. Получается, что не праведность или доброта определяют награду или наказание человеку, а нечто иное – умение правильно сориентироваться и выбрать позицию, дающую власть.

О чем бы ни говорил Ежи Лец, речь идет о качествах человека. Заслуживает внимания суперимпозиция смыслов в следующем изречении:

Ретушируя картину мира, нельзя не вымазаться.

Ретушь – это обработка фотоснимков в виде подрисовки с целью исправления дефектов изображения. В первом прочтении мы видим человека, который старательно подрисовывает что-то на снимке и пачкает себя. Но второе прочтение, вытекающее из знакового словосочетания “*картина мира*”, значительно меняет наше восприятие этой фразы: под картиной мира понимается вся реальность в нашем сознании, ретуширование в этом контексте осмысливается как ее приукрашивание, в результате чего оказывается, что человек, обманывая себя и других, роняет свою репутацию.

В своих афористических комментариях бытия Ежи Лец часто опирается на значимые для него аллюзии, сталкивая образы, за которыми тянутся вереницы символов:

Иные охотно носили бы фригийский колпак, будь он шапкой-невидимкой.

Фригийский колпак – древний символ свободы. Такой мягкий закругленный колпак со свисающим вперед верхом во Фригии (области в Малой Азии) носили свободные люди, а рабы не имели права носить его. Женский профиль в таком колпаке изображен на монетах многих государств. Шапка-невидимка – это сказочный артефакт, делающий его обладателя невидимым. В результате сопряжения этих аллюзий мы получаем критическую оценку людей, которые хотели бы продемонстрировать свою приверженность идеалам свободы, но оставаться при этом невидимыми. Смысл этого афоризма хорошо понятен тем, кто пережил эпоху преследований за политические убеждения, когда открытая симпатия борцам за свободу и неприятие деспотизма могли привести человека в тюрьму. Афорист осуждает трусливых людей, которые не прочь получить блага жизни в условиях свободы, но не желают идти на риск ради утверждения свободы в обществе.

Людам свойственно смотреть на себя необъективно. Это качество иронически комментируется в следующем афоризме:

Марионетки тщетно мечтают о монологе Гамлета.

Марионетки – куклы на ниточках – полностью подконтрольны кукловоду. У них нет права выбора – важнейшего признака живого человека. Именно о выборе и связанном с этим выбором мучениях говорится в известном монологе Гамлета *“To be or not to be”*. Соответственно, возникает неразрешимое противоречие: либо нужно набраться смелости и выйти из-под контроля кукловода, либо честно признаться себе в том, что покой без свободы приятнее, чем полная тревог и опасностей свободная жизнь. Вспомним, что и в знаменитом монологе Гамлет сталкивает взаимоисключающие варианты поведения – борьбу с превратностями судьбы и отказ от такой борьбы. Попытки совместить несовместимое являются, как сказано в афоризме, тщетными.

Хрестоматийное событие из Библии приобретает в глазах Ежи Леца новое освещение:

Я бы предпочел, чтобы Давид убил Голиафа арфой!

В сказании повествуется о том, что юный пастушок Давид сумел победить филистимлянского силача Голиафа, выстрелив в противника из пращи. Камень попал гиганту в лоб и насмерть сразил его. По правилам сражения победа в таком единоборстве решала исход всей битвы, и таким образом Давиду удалось спасти свой народ. Известно, что будущий царь мастерски играл на

лире. Приведенный афоризм можно проинтерпретировать следующим образом: было бы лучше, если бы вместо военного противоборства споры между людьми и народами решались в сфере искусства, и тогда бы не жестокая сила, а одухотворенная красота правила миром. Впрочем, эта тема затрагивается в мифологических сюжетах в ином аспекте: древние греки рассказали нам о музыкальном состязании бога Аполлона и сатира Пана, сатир был признан победителем, и разъяренный бог содрал с него кожу живьем.

В неожиданном ракурсе мы видим сюжет, связанный со смертью одного из великих греческих философов:

С Сократами на брудершафт пьют цикуту.

Известно, что афинский суд приговорил Сократа к смертной казни – философ должен был выпить чашу с ядом. По легенде, это был настой цикуты. Выражение *“пить на брудершафт”* пришло к нам из немецкой культуры и означает ритуал перехода на близкие дружеские отношения. Обычно участники этого ритуала выпивают рюмки с вином с переплетенными в локтях руками, затем целуются и переходят на *“ты”*. Для чего нужно пить с великим философом на брудершафт? Вероятно, для того, чтобы показать всем, в том числе и самому себе, что между этим человеком и тобой практически нет никакой дистанции. Обратим внимание на множественное число имени *“Сократ”*. Из этого речения следует, что если кто-то решил причислить себя к людям, подобным Сократу, то нужно подготовиться и к тому, что придется разделить судьбу таких людей, а она трагична. Афорист иронично напоминает обычному человеку, что нужно знать свое место.

Людам свойственно возлагать на определенные личности всю ответственность за зло, которое эти личности причинили человечеству. Ежи Лец заставляет нас еще раз задуматься на эту тему:

Лира Нерона была камертоном.

Римский император Нерон, прославившийся своей патологической жестокостью, в собственных глазах был прежде всего актером. Он музицировал, писал стихи, выступал на сцене, участвовал в музыкальных и поэтических конкурсах. Камертон – это инструмент, издающий звук одинаковой частоты и используемый при настройке музыкальных инструментов. Лира Нерона в этом контексте выступает в качестве символа эпохи правления этого сумасбродного кровавого деспота. Но отсюда вытекает и то, что никто не осмелился играть не по его указке, и те, кто из страха или по другим причинам вел себя лояльно по отношению к Нерону, в определенной мере

ответственны за то, что творилось в Римской империи.

Анализ афоризмов Станислава Ежи Леца дает нам основание сделать вывод о том, что поэтическая рефлексия в афоризме представляет собой концентрацию смысла в ценностно насыщенном оригинальном образе, с помощью которого интерпретируется человеческая природа. Такая концентрация смысла проявляется в художественном моделировании мира в соответствии с жанровым каноном афористического высказывания (позиционная перефокусировка, регистровое понижение, разрушение штампа, силлогический разрыв). Эти способы афористической рефлексии блестяще представлены в творчестве Станислава Ежи Леца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Садовая Г.Г.* Языковая природа и стилистическая функция предложения (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
2. *Манякина Т.И.* Языково-стилистика жанра афоризмов (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981.
3. *Федоренко Т.Н., Сокольская Л.И.* Афористика. М.: Наука, 1990. .
4. *Дмитриева О.А.* Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
5. *Ваганова Е.Ю.* Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
6. *Землянская Е.В.* Структурно-семантические и функциональные особенности стилистической интертекстуальности в англоязычном афоризме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
7. *Кулишкіна О.Н.* Русский афоризм XIX – начала XX веков: эволюция и сферы влияния: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
8. *Гонгало В.М.* Природа и ценностная интенциональность философской афористики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007.
9. *Сазбандян Т.В.* Функции афоризмов в структуре и динамике познавательной деятельности человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
10. *Береснева А.В.* Структурно-функциональные особенности парадоксальных высказываний в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
11. *Дядык Н.Г.* Гносеологический анализ афоризма как специфической семиотической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011.
12. *Полчанинова Е.О.* Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
13. *Гаврилова Е.Н.* Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. 1986. № 3. С. 56–62.
14. *Карасик В.И.* Поэтическая рефлексия: содержательные характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 113–118.